Елена Фили

18+

Приди в мои сны

- кластер -

Кластер

Елена Фили

Серия Кластер 2. Приди в мои сны

«Автор»

2019

Фили Е.

Серия Кластер 2. Приди в мои сны / Е. Фили — «Автор», 2019 — (Кластер)

Ничем не примечательная девушка неожиданно получает странный дар. Она может входить в сновидения, спасать людей или, наоборот, убивать их. В одном из снов девушка узнает опасную тайну, и за ней начинается погоня.

© Фили Е., 2019
© Автор, 2019

Пролог

Медленно, преодолевая сопротивление воды, он опускался вниз, куда-то в темноту. Последнее воспоминание угасало в его памяти. Он прыгает с каменистого берега в воду, поверхность которой, мгновение назад игравшая солнечными бликами, разбивается от его рук, превращаясь в бриллиантовые осколки. Удар! Почти невыносимая головная боль, и вот теперь он смотрит вверх, сквозь слой мутновато-зеленой воды, и видит золотисто-желтый шар солнца и лучи, протыкающие воду в нескольких местах. Красиво… Желтое на зеленом.

Алиса выпрямилась, беспомощно глядя в горящие отчаянием глаза родителей мальчика. В больничной палате элитной клиники, залитой неярким августовским солнцем, было тепло, пахло свежими цветами, медикаментами и… горем. Высокий, сгорбленный мужчина и миловидная женщина с заплаканным лицом смотрели на нее, Алису, и ждали. Ждали, что она подарит им надежду. Или сразу скажет, сделайте то и это, и ваш сын выйдет из комы и будет прежним: веселым, красивым, родным.

– Я не могу… Не могу помочь.

Алиса беспомощно оглянулась на Раду. Та стояла чуть позади. Спокойная, уверенная, что все наладится, не сейчас, так потом, не сразу, значит, через время. Это был ее девиз. Все наладится. Весь Кластер питался от Рады ее безмятежностью и непоколебимой уверенностью в будущем. Рада вопросительно кивнула, рассказывай.

– В общем, мозг не умер. Мальчик видит последнюю картинку, как я понимаю, после того, как он прыгнул в воду. Сколько времени прошло? Два месяца? Ну, вот, а он все там. На пляже. Видит желтое солнце сквозь зеленую воду. Ни о чем не думает. Просто смотрит. Я не смогу помочь. Я вижу только, о чем он думает. Если бы ваш сын пытался как-то выбраться из этого состояния и не мог, можно было бы понять, чего он хочет, и вот тогда…

Алиса еще раз взглянула на Раду и перевела взгляд на родителей мальчика.

–Простите.

***

Динка спала. Ей снился детдом. Ее детдом, в котором она проживала с десяти лет. Что-то милое, ласковое, чьи-то теплые руки. Наверное, бабы Нюры, нянечки… Совсем рядом неистово громыхнуло. Динка вздрогнула, подняла голову и с силой потянулась. Откуда шум? Она подняла голову и, прямо перед собой, за окном, увидела упруго бьющие по стеклу струи дождя. Всего лишь летняя гроза. Этим летом, самым жарким за последние несколько лет, грозы стали обычным делом. Хотя сегодня с утра непогоду ничего не предвещало. Прогноз чудесный. На небе ни облачка. И зонт, конечно же, остался дома. Динка с досадой прикрыла глаза. Что же ей снилось? Очень жалко, что не досмотрела. Она опять положила голову на ноги, опирающиеся на стол. Усмехнулась. Эта ее привычка отдыхать в немыслимой для простого человека позе, когда сидишь перед столом, ноги на столе, и ложишься сама себе на ноги, уютно устраиваясь и мгновенно засыпая, приводила в ступор тех, кто видел такое впервые. А она действительно так отдыхала. Еще с детдома. Однажды, увидев ее в таком виде, Митька, она с ним даже подралась тогда, думая, что слово ругательное, назвал ее гуттаперчевой. Слово всем детям было незнакомым, Митька потом объяснил, что это такая смола или резина. Мнется и гнется. Как Динка. И покраснел. Ее подразнили этим словом месяца два, пытаясь приспособить к имени, Динка-Гуттаперча, Динка-Гутта, да и отстали. Цыганка-это более раннее ее прозвище, звучало и проще, и подходило больше. У нее были черные, длинные, слегка волнистые волосы, которые она обычно заплетала в косы, и черные же глаза. И да, еще она была смуглая. Но на этом все цыганское кончалось. Динка не умела гадать, отводить глаза, даже воровала, как все, просто то, что плохо лежит. А нечего! Детдом– это общий дом, и все здесь –общее! И не была она цыганкой, мамка, когда еще не спилась до смерти, как-то обмолвилась, что родилась под Винницей. Так что они с матерью были украинками. Вот пресловутый украинский борщ

давался Динке легко, она после детдома и пошла в кулинарное училище, потому что готовила быстро, вкусно, затейливо и с удовольствием. Ее и сюда, в фирму со смешным названием «Муж на час», позвали работать поварихой, ну и, по совместительству, уборщицей. Да еще заказы по телефону она принимала, когда в офисе никого не было. Записывала звонки аккуратно в тетрадку и клала ее на стол Карго. Директора. Конечно, готовить и убирать за семерыми, приходящими с заказов потными и голодными, парнями было нелегко. Но ей все нравилось. Парни были своими, все, кроме двух–бывшие детдомовцы. Карго платил ей за три работы двадцать тысяч–отдавал в конвертике. Учитывая, что на еду тратиться не приходилось– она обедала и ужинала в офисе, у нее за три месяца, а именно столько она здесь уже трудилась после окончания училища, скопилась очень неплохая сумма. Она мечтала купить себе зимнее пальто с мехом из чернобурки и такую же шапку. И еще угги! Такие теплые мягкие зимние сапоги. Динка вздохнула. Угги-это хорошо. Это зимой. А сейчас конец лета, ливень не прекращается, а домой идти надо–скоро начнет темнеть. Аккуратно опустила ноги на пол, легко распрямила спину, нашарила на столе сумку с ключами, еще раз с грустью посмотрела на высветившееся от сверкнувшей молнии окно и вышла на крыльцо. До дома, вернее, до комнаты в коммуналке, ключи от которой ей выдали после детдома, отсюда было полчаса ходьбы. Имелась и короткая дорога, через парк. Но парк этот пользовался дурной славой, и Динка обходила его стороной, как и почти все горожане. То люди там пропадали, то в глубине отчаянные собачники находили избитых жителей, которые потом не могли вспомнить, как там оказались. В общем, гиблое место. Хоть и фонари работали исправно, достаточно освещая аллею и густые кусты вдоль нее. Вот и сейчас видно, как молнии, одна за другой, бьют прямо в центр парка, будто там что-то их притягивает. А под кронами деревьев клубится белесый туман из просеянных сквозь листву капель.. Страшновато. Зато парковой аллеей получится добежать домой минут за десять, а учитывая, как льет, да то, что она без зонта… Пронесет. Она– везучая. Наверное.

Динка постояла еще пару минут на крыльце, чувствуя, как противная сырость пробирается под рубашку, и рванула вперед. Первую остановку она сделала, добежав до старого корявого клена с роскошной густой листвой. Динка мчалась, ощущая себя пловчихой (таким плотным был дождь), она будто вертикально плыла по воде, смешно дрыгая ногами и прижимая к телу сумочку с ключами, а мокрые косы противно били по спине. Динка немного отдышалась под кроной клена. Здесь дождь был редким. Переждав очередной разряд грома, она вынырнула из-под спасительного дерева, успела сделать пару стремительных шагов, и вдруг все вокруг осветилось каким-то нереально ярким ослепительным светом, ее пронзил страшной силы электрический разряд, заставив больно сжаться трепыхнувшееся сердце. Больше уже ничего не ощущая, она неловко упала прямо на мокрую аллею, жалко поджав под себя ноги…

…Кто-то смотрел на нее в упор, дергал, не позволяя вернуться в тяжелое беспамятство. Голова болела. И запахи… Незнакомые, вызывающие смутные воспоминания… Больничные?! Она в больнице? И еще звуки… Чей-то знакомый голос звал, звал, звал…

Динка сквозь ресницы посмотрела на склонившееся над ней лицо, улыбнулась, потому что узнала, и с облегчением вздохнула, снова проваливаясь в забытье.

Проснулась, как от толчка, вспоминая сон. И себя в нем. Детдом, каким она помнила его, серый, со старыми дешевыми обоями и зеленой краской на стенах в коридорах и общественных местах. В просторной светлой спальне для мальчиков стоят двое: тот, кого она узнала, Митька–Санитар, и гроза старшеклассников–Бахмет. Митька, весь красный, до кончиков ушей, с вызовом смотрит в лицо главаря детдомовских хулиганов.

– Обещай мне, урод! Я все сделаю, если ты ее не тронешь!

Динка ощутила себя, стоящей будто рядом. Но почему-то, никто ее не видел.

Бахмет насмешливо оглядел Митьку. Высокий, болезненно худой, с длинными руками, тот с ненавистью смотрел ему в глаза.

–Обещаю. За это будешь моим рабом три месяца. До выпускного. Мы договорились?

И Бахмет протянул руку, чтобы скрепить обязательства. Динка хотела крикнуть, не смей, не надо, все знали, какой этот гад злобный, настоящий фашист, но внезапно поняла, что речь идет о ней, о Динке. Что значит, не трогай? Ее, Динку? А Бахмет собирался трогать? Ей стало страшно. Прямо скрутило до жути. Словно сквозь занавеску она увидела, как ребята пожали друг другу руки, и Бахмет, красиво насвистывая сквозь зубы мелодию песни о «стройной фигурке цвета шоколада», скрылся за дверью.

Динка приблизилась к Санитару. Его все так звали в детдоме, потому что он сутками пропадал в санблоке, помогал приходящей медсестре, даже научился ставить уколы. Девчонки, правда, отказывались–стеснялись, а парни наоборот, соглашались, потому что лучше Санитар, чем медсестра, которая не могла, да и не хотела стараться. А у него действительно была легкая рука! Он и учиться после детдома пошел в медучилище. Туда, куда взяли, с его уровнем подготовки. В санитары. А теперь работал в горбольнице.

Динка будто раздвоилась. Одна была во сне, рядом с Митькой, вторая лежала сейчас в палате и спала. Та, что во сне, приблизилась к Митьке и спросила:

–Зачем ты пообещал этому упырю стать рабом?

Митька обернулся, не удивившись, что Динка рядом, и ответил:

– Я разговор услышал. Бахмет и его дружки тебя хотели … В общем, теперь все будет хорошо. А я потерплю. Подумаешь, три месяца! Главное, с тобой все будет в порядке.

Он шагнул ближе, и Динка ощутила его запахи. Пот, смешанный со страхом. Это от разговора с Бахметом. И еще один запах. Запах счастья. Желания. Она покрутила головой:

– Ты же знаешь…

– Знаю. Я не надеюсь. Просто, будь счастлива. Друзья?

И он протянул руку, как недавно протягивал ее Бахмету.

Динка протянула в ответ свою и очнулась. Она лежала на кровати, прикрытая сухой колкой простыней, с вытянутой вверх рукой. Сделав усилие, повернула голову, скосив глаза. Рядом с кроватью стояла больничная тумбочка. Привалившись к спинке кровати, склонив голову на скрещенные руки, спал… Митька-Санитар. А… что это сейчас было? Как будто не во сне она пожала руку, а прямо вот только что ощутила потную ладонь своего, так называемого, защитника-друга. Она даже вытерла о простыню пальцы и огляделась сосредоточенно. Белые стены, белый потолок. Две одинаково застеленные кушетки, капельница рядом с ее кроватью. И вправду, больница?

–Митяяя…Митя, проснись,– тихо позвала она, не решаясь повысить голос.

Но он очнулся сразу и подался к ней, встревоженно заглядывая в глаза.

–Живая!!! Я знал!! Я доктору говорил! Он пришел, послушал, говорит, пульса нет, сердце не слышно… Гад какой! А ты вон, два часа и оклемалась!

–А что произошло, Митя?

–Молнией тебя убило! То есть не убило, а ударило. Парочка в парке от дождя пряталась, а как молнии стали без конца хлестать, так они со страху домой рванули. А на аллее ты лежишь, и клен рядом, с раздвоенным стволом, края обуглены и дымятся еще. Они скорую и вызвали, спасибо им, не побоялись. Стояли под соседним деревом, медиков ждали, промокли совсем. Тебя наши привезли и в морг сразу определить хотели. Доктор дежурный. Мол, не вижу признаков жизни. Но я уговорил, чтобы тебя в палату положили, доктор сказал, часа на три, не больше, не очнешься, все, в морг. Гад…

Динке показалось, что он даже всхлипнул. И она успокаивающе положила руку ему на коленку.

– Ну, все кончилось хорошо. Забудь. Ты спал…

– Да, представляешь, мне Бахмет снился! Помнишь его?

Динка сильно, всем телом вздрогнула. Как… Бахмет? Тот же сон, что и ей? Так разве бывает?

–А что именно снилось, Митя?

Митька внезапно покраснел. Как во сне. До кончиков ушей.

–Да, ерунда, не стоит вспоминать.

–Вы говорили обо мне? Ты дал ему какое-то обещание? Во сне?

Почему-то было очень важно это выяснить.

Митя уже почти встал, чтобы бежать за врачом, потом резко сел и удивленно посмотрел на Динку.

–Откуда ты.. Ну, в общем, да. Так, старая история. Ерунда!

–Ты обещал стать его рабом на три месяца, чтобы меня не трогали?

Митя, открыв рот, смотрел на Динку и молчал, медленно, мучительно наливаясь темной краской так, что на носу выступили капельки пота. Динка даже пожалела его. Рабство у Бахмета, это… это было… страшно. Весь детдом знал. Она деликатно отвернулась.

–Знаешь, мне кажется, снился тоже этот сон. Но, это же просто сон, да?

–Да! –торопливо согласился Митька, он так хотел изменить тему, что даже не обратил внимания на то, что им обоим снилось одно и то же. А Динке уже стало не до этого. Она обнаружила, что лежит под простыней в огромной больничной пижаме. Мужской. С подвернутыми рукавами и штанинами. И совсем без белья.

–Ты, что? –зашипела она,– ты меня раздел? Полностью?

–Ты же мокрая вся была,– испуганно залепетал Митька, у него забегали глаза,– как бы ты тут лежала-то?

–Ты сам меня раздевал?

– Я не смотрел!

Митька вместе со стулом отодвигался от Динкиной кровати, стараясь ногами оттолкнуться как можно дальше.

– Никто не хотел! Все думали, что ты умерла!

Динке стало смешно. Подумаешь, какая нежная! Раздели ее, облекли в пижаму и накрыли белоснежной простынкой! Ой, ой. Как стыдно! Она успокаивающе кивнула:

– Прощаю. Что дальше? Я есть хочу. Домой хочу. И мне завтра на работу. Сколько времени?

Распахнулась дверь и в палату стремительно зашел, почти забежал дежурный доктор. Услышав ее последние слова, доктор очумело потряс головой, одобрительно погладил Митькины вихры, и, взяв стул, уселся на него, скрестив волосатые ноги, выглядывающие из-под коротких больничных брюк.

–Ну, что, порядок? Другу своему спасибо скажи. Он тут поднял такой скандал. Всех на уши поставил. Оказался прав. Уважаю.

Доктор говорил, а сам, поворачивал в разные стороны голову Динки, проверял ее пульс, оттягивал веки, заглядывая в зрачки.

–Ну, со вторым рождением тебя, цыганка!

Динка дернулась. Какая еще цыганка? Опять?

–Нет? Не цыганка? А волосы у тебя…– доктор усмехнулся, оглядывая Динкину нерасчесанную, спутанную, все еще влажную, гриву,– ладно, хоть мусульманка, хоть цыганка, черноглазая. Тебе нужен больничный?

– Нет. Я домой хочу.

–Нет?–доктор вопросительно оглянулся на Митю. Тот пожал плечами.

– Значит, нет. Претензий тоже нет? Нет. Ну, и ступай себе потихоньку. Домой. Если передумаешь завтра, приходи. Я записку оставлю утренней смене. Интересный случай. Все ребятки, пошел я. Живите…

Опять сильно, от толчка из коридора, распахнулась дверь в палату, ударив почти вышедшего доктора по предусмотрительно подставленному плечу. В проеме показалась взъерошенная, словно воробей после драки, Динкина подружка Лелька. Она непочтительно оттолкнула с дороги изумленного доктора, сделала три огромных шага, оказавшись сразу возле кровати, вздохнула с облегчением, увидев живую и невредимую Динку, и грозно уставилась на Митю, широко расставив ноги и уперев руки в бока.

–Ты-ы-ы-ы-ы! Ты сказал, ее убило!!

– А ты!

Леля повернулась к веселящейся Динке, не ожидавшей, что на нее тоже обрушится гнев подруги.

–Какого… тебя понесло через этот парк!

Леля, с размазанной тушью под глазами, пунцовая от бега, всхлипнула и рухнула прямо на кровать, вздрогнувшую от ее веса, прижимая к своей необъятной груди растроганно улыбающуюся Динку.

–Ну, ладно, все обошлось, чего ты…

Динка мягко погладила ежик непонятного цвета коротких волос, замирая от нежности. Ее подруга. Самая, самая. С того момента, как ее, Динку, привели и поставили перед классом, вот, мол, знакомься, твоя будущая жизнь, твои будущие товарищи. И посадили за парту к смешной толстушке с головой, казавшейся маленькой из-за очень коротко подстриженных волос. Толстушка, покопавшись в ранце, достала весь обсыпанный сладкой крошкой пряник, разделила на две части и протянула половину Динке.

Последнее время подруги виделись редко. У Лельки теперь семья. Муж и ребенок. Она выскочила замуж мгновенно, едва их выпустили из детдома. Ей повезло. Дина часто бывала у нее дома, купаясь в простом семейном счастье, и мечтая, что у нее тоже все будет. Муж и дети. Не меньше двух. А лучше трех. И у каждого будут свои личные уголки и собственные игрушки. Это совсем другое детство. И она таким детством будет наслаждаться.

–Ты отвезешь меня домой?

–Да, собирайся, я с Лешей, он в коридоре ждет.

Динка нагнулась и прошептала прямо в жесткие волосы, куда-то туда, где должно быть ухо:

–Представляешь, Митька меня раздел. Совсем. И пижаму натянул. Сам.

И посмотрела в глаза подруги, понимает ли, как стыдно?

Они помолчали согласно и вдруг захохотали. Обе. Одновременно. Затем, вытолкав Митьку за дверь, собрались быстро и почти побежали к выходу из больницы.

***

Каждое утро в новой Динкиной жизни после детдома начиналось со счастья… Душ. Со вкусным, пушистым от пены, гелем. Личный завтрак, только себе одной и только то, чего хочется. А за столом можно читать книжку, которую не дочитала вечером. Все можно! И таким простым тоже бывает счастье…

Динка споро перемешивала яйца в миске. На плите в большой сковороде жарилась аппетитная докторская колбаска. Пыхтел чайник. На кухню, почувствовав запахи, шаркая стоптанными подошвами домашних тапочек, в старом трико и чистой, неглаженой рубашке, пришел сосед, дед Паша. Сейчас, в квартире на трех хозяев, они с дедом Пашей жили вдвоем. Третья комната когда-то принадлежала его сестре. Она умерла несколько лет назад, совсем старенькая была, как сказал дед. После нее в комнате жили попеременно мужчина, женщина, опять мужчина, теперь же комната пустовала, ожидая нового хозяина.

Сосед прошаркал к своему столу и сел, сплетая руки, уместив их между коленями. Динка, положила в тарелку омлет, и, наливая чай, заглянула ему в глаза вопросительно.

– Ты что с утра молчаливый такой, дед? Болит что-нибудь?

– Сестра снилась. Всю ночь. Помоги, говорит, помоги. А кому помочь? Как? Ничего не сказала.

Чашка с горячим чаем, выскочила из Динкиных рук, стукнулась о деревянный пол, выплескивая на пол содержимое, и покатилась, не разбившись, к ногам деда … Динка вспомнила. Ярко. Четко. Ей тоже снилась какая-то старушка. И она тоже бормотала: «Помоги ей, помоги…» Да что происходит, в конце концов? Почему она видит чужие сны? Она присела на табуретку напротив соседа.

–Дед Паша… Я кажется видела такой же сон, как и ты. Такая худая, глаза впавшие, родинка на шее, крупная– это она? Твоя сестра? Да? Меня вчера молнией чуть не убило, прямо в макушку как даст! Я в больнице очнулась. И тоже видела сон, который там санитару снился. Что это, а дед Паш?

Ее соседа, хоть он и был совсем старым, Динка считала за свою семью. Ну, был же когда-то у нее дед? Вот, пусть дед Паша им и будет, ее собственным дедом. Динка все ему выкладывала, когда нужен был совет, а тот, не донимая нравоучениями, рассказывал в ответ какую-нибудь историю из своей жизни, вот так случилось, а вот так он или она, поступили. И разу понятно было, что делать. Правильно делать, как надо. Вот сейчас он ей тоже поможет, обязательно! Скажет, что это все ерунда, пройдет, или что ей показалось. Дед смотрел на нее, не мигая, что-то такое плескалось в его глазах, темное, невеселое. И Динке стало как-то неуютно.

–Что? Что ты молчишь?

– Понял, кому помочь надо. За кого сестра просила. Ты не бойся. Это дар такой. Божий. У сестры тоже был. Не такой, похожий. Только она скрывала от всех.

–Какой еще дар, дед Паша? Ну тебя, напугал до смерти. На работу мне пора, вечером про сестру расскажешь.

И Динка метнулась в свою комнату, начала лихорадочно собираться, сумка, ключи, носки, где эти носки, ну, где? И вдруг села на стул и уставилась в окно. Дар, значит? Ну, посмотрим, что за дар такой. Посмотрим. И сразу увидела носки, она же с вечера положила их аккуратно, вот они! Мгновенно успокоившись, сбегала на кухню, чмокнула своего деда в лысую макушку и помчалась на работу. По дороге Дина все пыталась придумать что-то, что могло бы научно объяснить эти странные сны. Она вспомнила опять про «божий дар», и фыркнула смешливо. Как же, как же, насмотрелся дед Кашпировского в свое время, вот и несет чушь. Ей бы посоветоваться с кем-нибудь, кто помладше деда, но такой же умный. Не с Лелькой же… Дина ей, конечно, все расскажет, но потом, потом. С кем же? Беспокойство грызло изнутри, заставляя действовать. Может быть, Карго? Она торопливо шла по улице, не обращая внимания на привычную картину городского утра. Мимо проехал старый троллейбус, фыркая, словно страдая одышкой. После вчерашней грозы улица смотрелась умытой, радостной. Солнце, словно извиняясь за вчерашний пасмурный день, робко выглядывало из-за деревьев. А Динка ничего не замечала, она думала о начальнике.

Карго проработал у них в детдоме около пяти лет. Был он то ли завхозом, то ли кладовщиком по официальной версии. А на самом деле –мастер на все руки. Сплотил вокруг себя старшеклассников, соорудил небольшую слесарную мастерскую, научил ребят всяким работам по хозяйству: вместе они починили вечно капающие краны, отремонтировали старенькую мебель, появились немудрящие табуретки, двери стали закрываться нормально, без ужасного скрипа по ночам, когда кто-то пробирался в туалет. И с Бахметом у нового завхоза установилось вначале тревожное перемирие, а затем, к удивлению наблюдающего за их отношениями детдома, не то, чтобы дружба, а какие-то деловые отношения. Уважительные с обеих сторон. Так и повелось. Девчонки все мыли, убирали, трудились на местном огороде. Парни ремонтировали, выпиливали скамейки и табуретки. И звали его вовсе не Карго, вспомнила Динка. Анатолий Александрович, вот как его звали. Просто носил он постоянно на работе одни и те же брюки, похожие на военные, со множеством дополнительных карманов. Фасон назывался

карго. Так и прилепилось к нему это прозвище. Сначала за глаза так его называли, а потом в глаза. Он и не возражал. Даже малыши, Динка сама слышала, обращались к нему «Дядя Карго». Уволился Карго года за два до Динкиного выпускного. Открыл фирму «Муж на час», переделал под офис трехкомнатную квартиру на первом этаже жилого дома, оборудовав современную кухню и переделав комнаты в кабинеты, где и работали сейчас некоторые ребята из детдома. И она, Динка.

… Дверь в офис была открыта. Странно для обычного утра. Парни подтягивались обычно часам к девяти, а Карго вообще к обеду. Расписание на рабочий день составлялось с вечера, согласно заказам. И кто же тут прилетел ранней пташкой? Динка осторожно заглянула в комнаты. Никого. В кухню. Никого. Она остановилась перед кабинетом начальника, осторожно толкнула дверь.

Карго, обернулся на звук и удивленно уставился на нее.

–А я думал, ты не придешь сегодня. Утром звонил твой дружок, Митька –Санитар. Разбудил меня. Так волновался.

Карго хитро прищурился, скрывая под лохматыми бровями блеснувшие ехидством маленькие глазки.

– Бормотал, что ты еле живая, что-то про молнию и морг. Что за паника?

–Да вчера после работы … И Динка невесело, скороговоркой, повторила вчерашнюю историю, утаив пока информацию про странные сны. Какое-то томительное чувство, то ли стыд, то ли опасность показаться смешной, то ли еще что-то, пока неясное, не давали ей покоя. Не решила она еще, будет или нет Карго тем человеком, с кем ей нужно будет посоветоваться.

– Ну вот, а потом меня Леля с Лешей домой отвезли,– закончила она рассказ.

– А как ты, лапуля, чувствуешь-то себя? Хочешь, возьми отгул, а я тут сам управлюсь. Мне подготовиться надо, на завтра одно мероприятие назначено. Так что завтра ты тут одна крутиться будешь, без меня. А сейчас я клиента жду, хочу детали кое-какие уточнить. Лично. Иди домой, иди.

Динка задумчиво пожала плечами. Не хотела она домой. Что это Карго ее будто выпроваживает? И что это за клиент такой, что Карго сам пожаловал? Да еще с утра? Нет, нет, не пойдет она домой.

– Да со мной нормально все, я останусь. Ребят обедом не вы же будете кормить? Они мне на кухне тут такое устроят, если сами начнут хозяйничать. Я пока в магазин сбегаю, не буду вам мешать.

Выйдя из подъезда, Динка присела на лавочку, скрытую от офисных окон буйно разросшимся кустом сирени и приготовилась ждать. Любопытство пересиливало остальные чувства: удивление (отгул предложил, надо же!), досаду (Митька зачем звонил, дурак какой, теперь все узнают и будут над ней шутить, еще и прозвище придумают смешное, какой-нибудь молниеотвод, хотя бы), лень (можно было бы к Лельке закатиться, понянчиться с маленьким тепленьким комочком, Лелькиным первенцем). Динка зевнула, прихлопув звенящего над ухом комара. Ну, скоро? И оглянулась на шорох автомобильных шин.

Во двор въезжал шикарный БМВ, белый, чистый, будто только что после мойки, со слегка тонированными задними стеклами. Динка перевела дух. Ух ты! Этого, что ли, клиента Карго ждет? Богатый, видно. Что ж ему понадобилось в такой крошечной мастерской? Ему ремонт наверняка делают за доллары, да мастера с высшим образованием, да еще используют импортные запчасти. Она вытянула шею из-за кустов, пытаясь разглядеть клиента Карго, степенно выходящего из припаркованной машины. Холеный. Так Динка определила его. Укладка на волосах, льняной костюм, обувь, будто только из магазина, новая кожа поблескивает из-под брюк, а руки… Руки не знали, пожалуй, ни одного дня физического труда. Динка вздохнула. Незнакомый. Зря ждала. Подслушать все равно не удастся. Да и неинтересный он. Тюфяк какой-то. Слегка оплывший, даже походка напоминает перезрелый помидор, лениво катя-

щийся по пыльной дороге. И Динка двинулась в магазин, по дороге перебирая в уме содержимое холодильника, что-то прикупить, что-то уже заканчивается, и непонятно, что делать с огурцами, которые вянут очень быстро. Да уж, покупные огурцы, это совсем не те, что они выращивали на детдомовском огороде. Так жители города отличаются от деревенских жителей. Городские красивые, а деревенские живучие.

День пролетел незаметно. Дед Паша, когда Динка вернулась с работы, уже спал. Динка склонилась над мусорным ведром и понимающе усмехнулась. Так и есть: среди мусора нашлась пустая бутылка из-под водки, стыдливо прикрытая использованным полиэтиленовым пакетиком.

Бывали у деда такие дни. Обычно, когда вспоминалась сестра, или что-то из прошедшей жизни, например, неожиданно находилась старая фотография, журнал со статьей про кого-нибудь знакомого, или вдруг раздавался звонок на квартирный телефон, а потом выяснялось, что ошиблись, не того Павла искали. Вот в такие дни дед уходил к себе в комнату, тихо один напивался, потом аккуратно все за собой убирал, мылся, одевался во все чистое и ложился спать. Утром был хмурым, неразговорчивым, к вечеру же оживал и становился опять прежним. Родным. Динка вздохнула. Она рассчитывала про сестру его выспросить все сегодня. Дед рассказывал о ней скупо. Одинокая была. Старалась ни с кем не общаться без необходимости. И не любила выходить на улицу. Динка потеребила за кончик свою косу, и перекинула ее за спину. Негусто. Ну, ладно, значит, завтра. Интересно, что ей сегодня будет сниться? Или кто? Послушав еще немного у дверей деда раскатистый храп, Динка вздохнула и отправилась в душ. Раздевшись, повернулась спиной к овальному продолговатому зеркалу и в который раз с удовольствием оглядела свою татуировку на правом плече – кораблик с парусами. Татуировкой она отпраздновала свою первую зарплату и самостоятельную жизнь. Решила и сделала. А Лелька, трусиха, побоялась. Зато теперь завидует. Дина поцокала привычно языком, глядя на татушку. Хотела алые паруса, да мастер отговорил, сказал, будет слишком броско. Зато предложил дополнить рисунком, будто кораблик плывет в романтичной голубой дымке. Так тоже ничего, прищурилась Динка. И черт с ними, алыми парусами. Вздохнула, умылась, переплела на ночь косу. Ну, все, теперь спать. В комнате, укутавшись в легкое летнее одеялко, она вспоминала сегодняшний день, мысли задержались на необычном госте Карго, плавно перетекли на деда, и она заснула.

Запахи… Очнулась она от запахов. Пахло мастикой для натирания паркета. Дорогим парфюмом: сладковатым, непонятно мужским или женским. И… дымом?! Дина огляделась вокруг. Богато обставленная гостиная, картины на стенах, на полу мягкий светлый ковер. И камин. Вот откуда запах дыма! Дрова, похоже, немного сырые, были сложены аккуратным шалашиком. Над ними склонился и пытался зажечь, чертыхаясь, мужчина в домашнем шелковом фиолетовом халате. Вот первые язычки пламени радостно заплясали на дровах, мужчина с облегчением выпрямился. Сеточка на аккуратно уложенных волосах, рыхлое полное лицо, заостренные мочки ушей… Динка замерла. Это же тот… Холеный! Из БМВ! Он приезжал сегодня к Карго! А… как же? Где же? Он ее видит? Динка в панике осмотрела себя: в чем одета? И мысленно застонала. Пижама! Застиранная фланелевая курточка с когда-то ярко–голубыми трогательными зайчиками и такие же штаны. Холеный стоял к ней спиной. Он держал в руках несколько листков с печатным текстом и недовольно бубнил что-то себе под нос. Динка прислушалась. «Наверняка видел код. Нужно сменить. А то его ушлые ребятки тут все обворуют, глазом не успеешь моргнуть»,– вот что бормотал хозяин квартиры. О ком это? Неужели о Карго? Да нет, не может быть! Ребята не воруют в квартирах, они там работают. Так он ее не видит? Динка легонько пошевелилась, диван скрипнул. Холеный вздрогнул, затравленно оглянулся и посмотрел на диван. Динка сжалась от ужаса. Но ничего не произошло. Хозяин пошарил взглядом по дивану и портьерам, затем по ковру, и, наконец, задумчиво

побрел куда-то вглубь, забыв о шуме. Динка постаралась в этот раз, чтобы диван не издал ни звука. Она осторожно встала и на цыпочках стала красться за Холеным.

Тот стоял в холле перед панелью сигнализации. Морщил лоб, вздыхал и приговаривал:

– Ну, какие четыре цифры теперь придумать? Надо же, чтобы код легким не был, но запоминался, а то забуду.

Динка улыбнулась насмешливо, сейчас она его напугает! И прошептала, надеясь, что ее шепот звучит зловеще:

– Тринадцать ноль один. Поставь!

Захохотала от удачно придуманной шутки и очнулась дома в своей комнате. Спать уже не хотелось. Возбуждение билось в груди, как птица в клетке. Значит, это правда? У нее теперь дар? Она сейчас была во сне Холеного? И даже разговаривала, хотя непонятно, слышал он или нет. Но ведь скрип дивана его напугал? Значит и цифры были озвучены. Тринадцать ноль один– это ее день рождения. Тринадцатое января. Жалко, что проснулась рано, непонятно, как отреагировал Холеный. Да испугался, конечно. А главное! Главное– он ее не видел! Вот это да! Она была, будто привидение, нет призрак! Нет… Как же называется, когда звук есть, а изображения нет? Потустороннее? Да как бы не называлось! Динка резко села на диване, рука машинально потянулась к стакану с водой, она всегда на ночь ставила его на тумбочку. Сделала несколько глотков, потом налила немного на ладонь, смочила разгоряченное лицо. А так в любой сон попасть можно? Почему именно к Холеному? Так она перед сном про него вспомнила, вот почему! Так и про деда тоже вспоминала. Да какие сны у деда после бутылки водки, отмахнулась Динка от этих мыслей. Тогда… Тогда она сейчас подумает про Карго. Да! Точно! Динка прикрыла веки, засопела равномерно, представляя Карго: то на работе, то в дет-доме. Только бы не в сон Митьки –Санитара опять, взмолилась она про себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.